

*Моей мудрой, веселой, рыжей подруге.
Спасибо, что разрешила облачить
свою невероятную жизнь в слова.*

Глава 1. Госпожа Метелица

Декабрь 1987 года

Дорогой Дедушка Мароз!

Меня зовут Ирка и мне 7 лет. Я учусь хорошо. Уже умею лепить вареники и хожу в магазин за буханкой черного. Прочитала все хо Робинзона Карузо и Снежную королеву. Мне ничего не нужно из теплой одежды, и кукла-невеста тоже ненужна. Сделай пожалуста так, чтобы мама больше не пила.

Затем Ирка почесала ручкой за ухом, нарисовав замысловатую петлю, и добавила:

Ул. Шапена, 9, кв. 32 (Дверь без номера, красная).

Девочка шмыгнула носом, затолкала письмо в конверт и старательно прошлась по уголку языком, морщась от привкуса клея. Обреченно сглотнула горькую слону, вязнущую во рту сосновой жвачкой. Конечно, можно было бы попросить еще юбку-клеш и белые гофрированные банты, а то она все в черных да коричневых. Только ребята говорили, что Дед Мороз исполняет все-го одно желание. Пускай будет это. Самое главное.

Ирка икнула и потянулась за чашкой с «ополосками». В ней с завтрака болтался недопитый дефицитный индийский чай, именуемый домочадцами «пылью индийских дорог». Затем старательно нацарапала: «*Деду Марозу на Северной полюс*», скрестила на удачу два пальца и не удержавшись поцеловала конверт прямо в крестовину. Зажмурилась и произнесла магическое «Крибле-крабле-бум». Слезла с табурета, случайно зацепившись коленкой за гвоздь, и мгновенно расположилась круглая дырка. Обреченно вздохнула – мама опять заругаст, что на нее колгот не напасешься. Может, даже отвесит подзатыльник. Ну да ладно. Девочка привычно оккупировала подоконник, достала двух писсов, расставила крохотные деревянные стулья с буфетами и запела любимую бабушкину «Расцветали яблони и груши».

– Доченька, а ты знаешь, что такое «игруши»? Нет? Это такие фрукты заморские. Как апельсины.

Играла она всегда в одно и то же – в большую счастливую семью.

Ирка родилась в самом красивом городе мира, с широкими парадными проспектами и узкими улочками, напоминающими коридоры поликлиники, куда они с

мамой носили анализы в спичечных коробках. На площадях пламенели тюльпанные клумбы. Торжественно открывались новые гастрономы и пестрели разноцветными корешками окна детских библиотек. Обувная фабрика шила бурки, детские тупоносые сандалики и женские ботинки, утепленные цигейкой. Дом культуры в форме огромного краба предлагал десятки кружков, а уютные кафешки – песочные корзинки с кремовыми опятами, пирожные «Лето» и шарики сливочного с дробями орехов или шоколадных опилок. Украшением города считался двухэтажный универмаг, в витринах которого в неестественных позах простирались тетеньки-манекены, облаченные в ночные рубашки и почему-то на каблуках. Рядом – небрежно брошенное ностальгическое белье в мелкий моросящий цветочек, хотя дома у них стелили только со штампом «Минздрав СССР». Чуть дальше – лупатые телевизоры, гигантские кастрюли для варки компотов и холодцов, железные миски и бидончики с нарисованными птичками да сыроежками. Фарфоровые сервизы. Красные Шапочки, куклы-грузинки и куклы-цыганки. Иластмассовые звери и пупсы. Долгое время Ирка считала, что эти пупсики – и не мальчики и не девочки. Ведь дети рождаются бесполыми и только к детскому саду определяются, что им делать дальше – носить сарафаны или размахивать чистолстами. Искренне верила, что воробы бывают только мужчинами, синички – женщинами, а в фильмах убийства происходят по-настоящему. Просто на эти роли выбирают больных или слабых актеров, которых не жалко и пристрелить. Размышляла, что ноги крепятся к телу с помощью пуговиц и отстегиваются при случае. Честно делилась своими

наблюдениями с домашними и не понимала, почему те так дружно хохочут, а потом пересказывают ее перлы во время каждого застолья.

Дороги в городе скрещивались шлагами, замыкались в эллипсы, квадраты и многоугольники. Одни напоминали сетки для игр в крестики-нолики. Иные упирались в глухие дворы, образовывая тупики. Самые старые могли еще похвастаться булыжной брусчаткой, сохранившейся с дооценных времен. После каждого маломальского дождя камни становились скользкими, будто смазанными постным маслом.

Главная улица служила для прославления страны мира, мая и труда. По ней шли колонны людей, размахивая флагами из красного полиэстера. Иногда, празднуя Великий Октябрь, народ шагал по первому снегу, но продолжал смеяться и восхвалять никому не понятный марксизм-ленинизм. Ирка, как правило, сидела у деда на плечах и громче всех кричала «ура!». Держалась за его шапку-ушанку с пятиконечной звездой и во все глаза рассматривала юнос весеннее небо, распоясанные капитаны и портреты первых лиц.

По проспекту шмыгали автобусы с прожорливыми компостерами и заглавной буквой «Л» на капотах, и девочка считала, что те направляются не иначе как в Ленинград. Лоснящиеся «Волги» отражали холеными боками солнце. Шустрые жигулята клаксонили что-то футбольное, типа «Так, так, только так, атакует наш «Спартак»». Ушастые запорожцы скромно жались к тротуарам. Торопящийся народ выстраивался в очередь к желтым табличкам «Стоянка такси». Ирка, наблюдая за проезжающим транспортом, старалась экономить